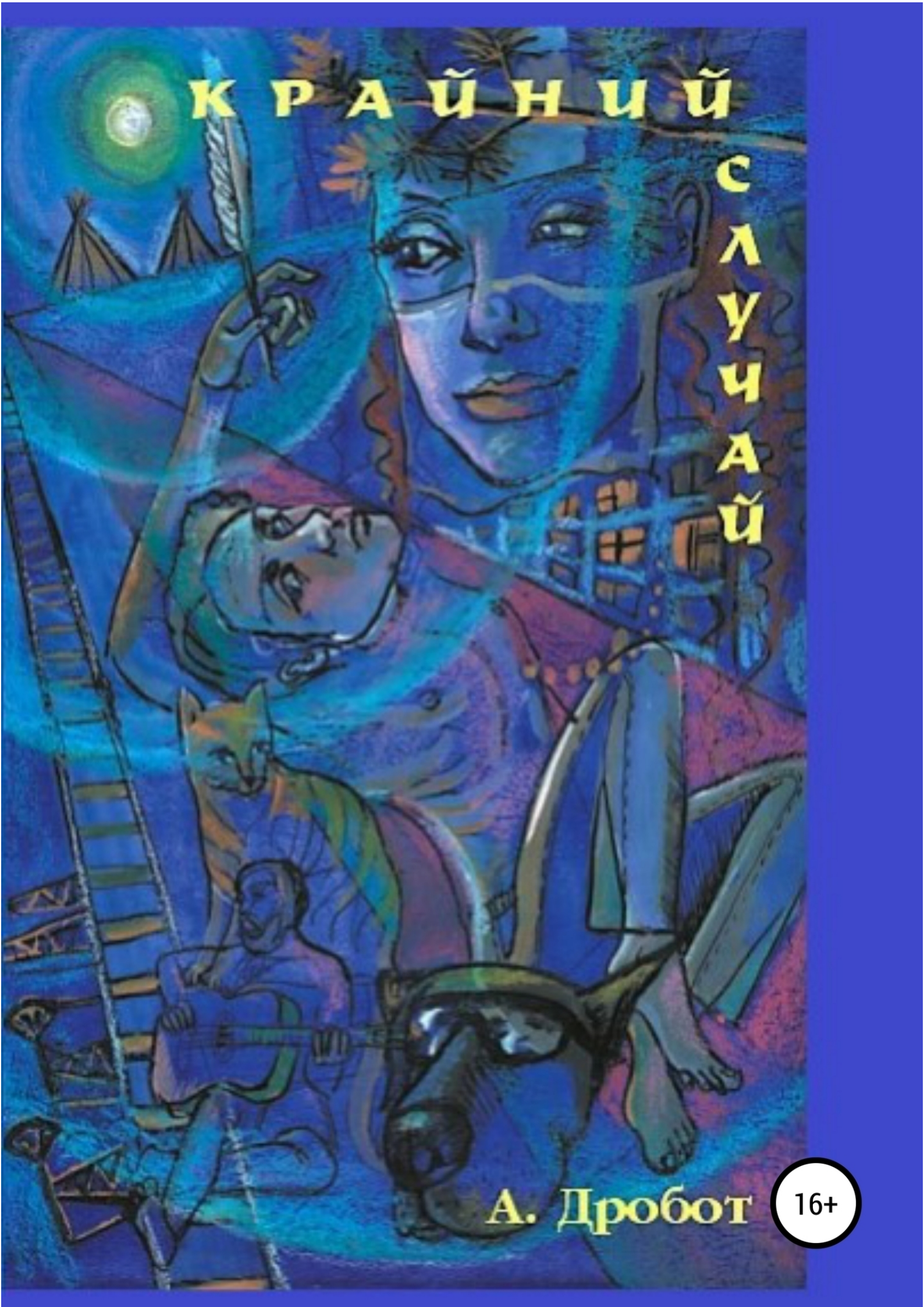

К Р А Ы Н И Ы

С
Л
У
Ч
А
Й

А. Дробот

16+

Андрей Дробот
Крайний случай

«ЛитРес: Самиздат»

2003

Дробот А. В.

Крайний случай / А. В. Дробот — «ЛитРес: Самиздат», 2003

В книгу включены рассказы и очерки, опубликованные в разное время в газете одного из северных российских городов. В 2004 году книга была отмечена тремя дипломами лауреата всероссийских конкурсов, в том числе и дипломом Союза журналистов России (Москва) в номинации «Лучший газетный и журнальный очерки». В книге использованы рисунки И. Крутовой, С. Суханова, И. Кийко, В. Богорада, Л. Мельника, а также фотографии автора книги.

Содержание

Вступительное слово	5
Пески	6
Байки с больничной койки	7
Охотничьи рассказы	19
Добытки	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Вступительное слово

Термин «мужская проза», родившийся в русской литературе на излете прошлого века, в полной мере подходит для определения характера настоящего сборника. Трезвый взгляд на жизнь сегодняшнего российского общества выгодно отличает автора, отнюдь не стремящегося скрыть серые будни обитателей панельных домов российской провинции за романтическим постмодернистским флером несуществующей реальности.

Эти рассказы впитали лучший опыт русских и советских авторов. Сборник открывается почти искандеровскими воспоминаниями о больничных буднях, а следя за жизненными перипетиями провинциальных пенсионеров, рабочих и военных, читатель несомненно почувствует ироничные чеховские нотки, строгую механику платоновского текста и хармсовский сюрреализм вполне реальных историй.

Проза по-хорошему кинематографична и не лишена своеобразной внутренней живописи. Неприглядная сцена, на которой разворачивается основное повествование – плацкартные вагоны, цеховые курилки и приемные покои районных больниц, – становится красочной театральной декорацией, умело оформленной талантливым художником.

Достоинство автора этих простых историй – в тонком чувстве культурной границы, остром ощущении пределов дозволенного. Играя на самом краю общепринятых норм, автор не скатывается ни к пошлости, ни к непристойности, вовремя опуская занавес и расставляя необходимые точки. А именно непростое умение вовремя сделать паузу всегда отличало умелого автора от неопытного дилетанта.

**Иван Лыкошин,
член Союза писателей России,
Москва**

Пески

Что бы там ни говорили о зове романтики, но все приехали на Крайний Север за деньгами, чтобы когда-то, года через три, не больше, уехать домой богатыми, обеспеченными. Крайний Север – край суровый. В конце сентября почва скрывается под снегом, который сходит где-то в мае. Но год на год не приходится, и снег может выпасть еще в середине июня. На Крайнем Севере даже земли нет, вместо нее – болотные торфяники и песок. И по натуре своей живут здесь временщики – песочные часы, отсчитывающие время до отъезда. Но деньги ускользают, богатства северных болот засасывают, начинает пугать зыбкость человеческой жизни на родине, и часто момент отъезда приходит лишь с наступлением пенсии или других возрастных обстоятельств.

Байки с больничной койки

Пути перехода в мир иной неисповедимы... но случаются и промежуточные остановки. Одна из них – кардиологическое отделение больницы. Такое есть даже в северном сибирском городке, где, по всеобщему народному поверью, живут люди здоровее медведей, загребаящие лапой из нефтяной реки бесчисленную добычу. Заглянем...

На лестничных клетках сильно пахнет паленым табаком. Больные дымят, как паровозы. В коридоре, на стенах салатного цвета, – картины юных художников. Много мягкой мебели и живой зелени. В холле раздается глас телевизора. От процедурного кабинета веет тошнотворными запахами лекарств.

Лечебный процесс похож на производственный. На больничной койке лежат человеческие заготовки. Их протыкают иглами, добавляют присадки в виде таблеток, прессуют физиопроцедурами и контролируют качество. Как и на производстве, брак случается, но больные стараются об этом не думать, а врачи не беспокоятся. Реанимация рядом да и до морга недалеко...

«Болтливость сродни желудочному расстройству – изменилась среда, и понесло...» – прочитала санитарка в самом начале тетрадки, найденной ею под кроватью недавно выписавшегося больного. На обложке было жирно выведено: «Сергей». «Имя, – рассудила она. – Пациент, скорее всего, не вернется. Ну-ка, что он тут настроил?..»

День первый

«Принимая форму тела, подо мною койка пела...»

В пятикоечной палате было еще трое: Николай, Анатолий и Тимофеич. У каждого на тумбочке своя книжка «Вор в законе».

Первый диалог между Николаем и Анатолием, скорбный смысл которого я постиг очень быстро:

- Давай отдохнем?
- А что ночью будешь делать?
- Под уколами заснем.

Через некоторое время и я стал таким.

Рядом лежал пенсионер и бывший донор Тимофеич. В его вены вливалась светлая жидкость из двух здоровенных бутылей. Он сделал вывод:

– Ухаживай за землей, и та даст урожай. За человеком присматривай, и он будет жить, как положено.

Зашла санитарка и, глядя на меня, произнесла:

- Что-то и молодые нынче болеют.
- Раньше начнешь, раньше кончишь, – пошутил я.
- Да не дай бог. У меня муж в двадцать девять лет умер. Оставил на меня двоих детей, – ответила она и ушла.

Мне уже почти тридцать три. Я задумался о том, что вступил в возраст, когда умирают...

Спящие проснулись. Николай посмотрел на Тимофеича:

- Вот твои банки закончатся, и сыграем в «тысячу».

Тимофеич приоткрыл шире краник своей капельницы и вскоре был свободен. В центре палаты мужики установили столик и эмоционально зашлепали картами, сдабривая игру крепкими выражениями.

Зашла уборщица и всех выгнала, предварительно заставив уложить стулья на кровати. В отделении пол драят дважды в день так, что он блестит, как лысина.

- А ну-ка, Николай, дай-ка мне мужика, – степенно проговорил Анатолий.

Мужиком оказались сигареты с соответствующим названием. Сколько этих «мужиков» искурилось в кардиологии – не сосчитать.

Анатолий и Николай сдружились. У них, прибывших на Крайний Север семнадцать лет назад, много общего. Они взяли сигареты и вышли.

Вот и моя первая капельница. В вену с легким холодком втекает лекарство. Рука постепенно немеет. С надеждой смотрю на уровень жидкости в бутылки. Когда же она кончится? Кстати, здесь же, на этаже, «откапывается» после очередной пьянки сам главный врач городской больницы. Приятно и спокойно лежать в такой компании.

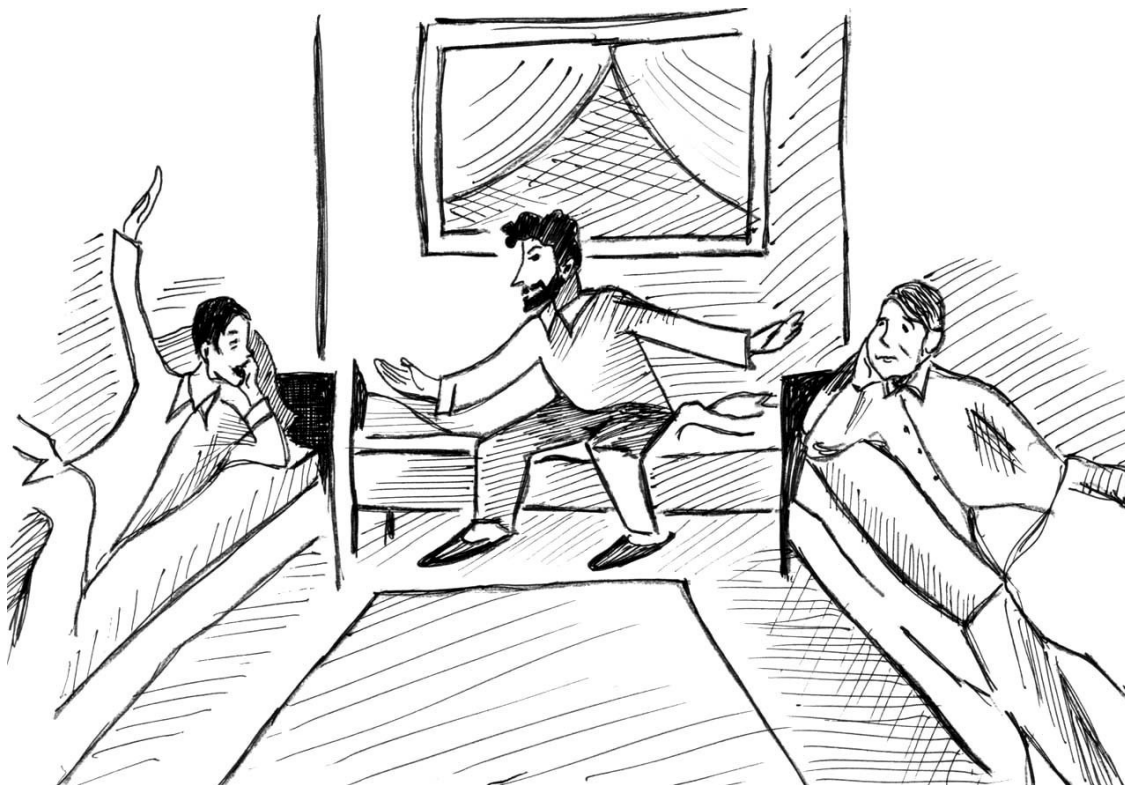
Первый обед.

– Котлеты из красной рыбы, вкусные! – прокричала на весь коридор повариха.

Они действительно вкусные, но многие мужики рыбную котлету восприняли как личное оскорбление. Видимо, устали они от рыбных дней социализма.

Из окон видны манящие силуэты городских пятиэтажек. Гардероб закрывается в два часа дня. Бывалые больные прячут одежду в палате, надеясь на самоволку.

Объявлен карантин по гриппу. В четыре часа дня закрылись двери для посетителей. Вечером близкие, разделенные стеклом двери, кричали...

День второй

«Кажется, что уж тебя-то природа пощадит. Болеют и страдают другие. Но приходит время, когда понимаешь, что и ты из их числа...»

Николай прочитал статью про известного в городе начальника и заговорил:

– Знал я его. Седой – между собой звали. Любил выпить. Зимой на аварии на нефтепромыслы неизменно приезжал с сумкой, полной водки, колбасы и хлеба. Бригада замерзнет, он ее к машине отзывает: «Ребята, выпейте, закусите». А бывало: звонит пьяный на куст* часов в двенадцать ночи, и давай ругаться. Мы телефонную трубку положим на стол и ждем, когда

успокоится. Слышим, замолчал. Поднимаем трубку, говорим: «Хорошо, исправимся» – и до свидания. Да, чего только не было.

Зимой подъезжаю к тридцатому кусту. Смотрю: скважина горит, рядом подъемник, а вокруг ни души. Я за рацию. Вызываю пожарных. Никто не отзывается. Вызываю руководство. Тишина.

Я выматерился в эфир и закричал: «Скважина горит!!!» Рация мгновенно ожила, а из соседнего вагончика народ стал выбегать кто в чем был. Спали, оказывается. Схватили лопаты – и давай огонь снегом забрасывать. Снег тут же таял, а по воде горящая нефть в стороны поползла и достигла задних колес подъемника.

Попросил у ребят трос. Дернул. Подъемник даже с места не сдвинулся. Тогда я его объехал, и на таран, а потом опять на трос. Спас машину – оттащил от огня. За это миллион рублей премии получил. Но до деноминации.

– А помнишь, как возле «Стартовой», – продолжил рассказ Анатолий, – бурили скважину и попали в газовый колокол. Давлением газа из-под земли выбросило весь инструмент, да с такой силой, что сорвало верхнюю половину буровой вышки, а верхового, как говорили тогда, забросило метров на четыреста в сторону. Благо, снег тогда глубокий был – живой он остался.

Газ рвался из трехкилометровой глубины с громоподобным ревом. Как от реактивного самолета, только гораздо мощнее. За пять километров разговор заглушало. За километр не подпускали машины, чтобы газ не рванул от систем зажигания. Были обесточены все близлежащие объекты. А на ликвидацию аварии вызвали самую известную в СССР профессию. Их штаб расположился рядом с местом катастрофы. Я туда телефонный кабель тянул.

(Куст – это небольшой цех под открытым небом среди тайги, куда выходят устья нескольких нефтяных скважин).

День третий

«Велика Россия, да уезжать некуда...»

Работяги с ностальгией вспоминают советское прошлое. Тогда, в отличие от нынешнего времени, на Севере многие зарабатывали большие деньги, под тысячу рублей в месяц. Уезжая всей семьей на Украину, Николай едва успевал половину отпускных истратить. А как любил его приезды здоровущий сосед! Завидит, так кричит на весь двор:

– О, Микола! Водочки попьем!

Но произошла авария на Чернобыльской атомной электростанции. Об опасности радиации никто особо не предупреждал. По радио сообщали, что после улицы достаточно хорошо помыться с хозяйственным мылом. Вот и мылись. Здоровущий сосед быстро умер от рака. Николай вовремя успел забрать семью. Да вот только квартиру на Крайнем Севере не приобрел. Так и живет в деревянном бараке. И по этому поводу тоже история есть.

– Я работал в строительном управлении и был председателем профкома. Погиб бульдозерист. Оставил жену с тремя детьми мал мала меньше. А тогда много квартир в пятиэтажках давали, и я тоже получил. Тут в профком приходит эта вдова вместе с детьми и спрашивает, что ей делать. Жили они в «бочке»*, и надеяться не на что. Разорвал я свой ордер и переписал квартиру на них. По сей день, как встречаюсь на улице с той женщиной, так она – в слезы и спасибо говорит...

Николай остался жить в старом доме. Там как-то две ванны провалились сквозь пол второго этажа и упали на первый. Да и в его туалете сквозь щели видно, чем соседи снизу страдают. Николай, усаживаясь на унитаз, который еле на трубах держится, каждый раз беспокоится, как бы не полететь. Так что можно понять его неприязнь к тем, кто сумел вовремя урвать.

– Ох, в те времена, когда нефть на легковые автомобили меняли, кто-то и обогатился! Был у нас начальник транспортного управления, так он машинами обеспечил всех своих родственников. Ведь как было: часть автомобилей распределяло между работниками высшее начальство, а часть – для награждения передовиков и перспективных работников – выдавалась в распоряжение руководителей среднего звена. Вот они и делили...

А беспроцентные квартирные ссуды?! Ведь многие, кто был поближе к начальству, их получили и квартиры купили. Инфляция долги списала. Вот придет он потом к кассе, возьмет зарплату, отсчитывает от нее небольшую часть денег и кассиру отдаст. Говорит: «Вот та ссуда, что я брал». Мне такая не досталась.

– А я в очереди первый так и остался, – подхватил разговор Анатолий. – Знал бы, что так все обернется, не поехал бы на Север.

Простым людям работа на Севере, кроме болезней, ничего не принесла. Разговор на них и переместился.

Николай:

– У меня сильное сужение сосуда. Нужны деньги на операцию – 75 тысяч. С нашей медицинской страховой компании толку никакого. Хорошо хоть, что половину обещало оплатить руководство нефтяников, а вторую половину – администрация города. А если не получится?

– За такую сумму год надо работать, – отозвался Анатолий.

– Я за этот год загнусь. Ссуду бы беспроцентную взял. Да кто ее даст?

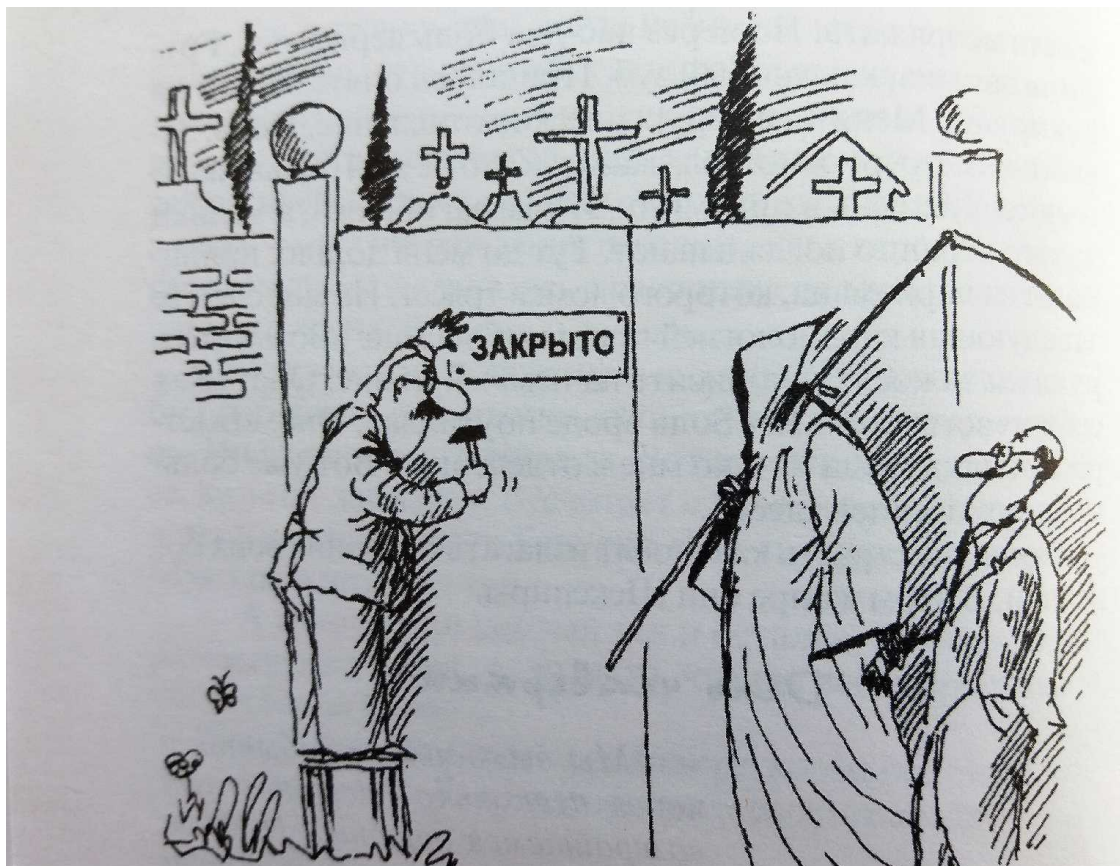
– А как ты сюда попал? – включился в разговор Тимофеич.

– С работы возвратился, и после ужина возникла сильная боль за грудиной. Крутит, не отпускает. Я к жене, благо она у меня медработник. Вколола баралгин. Прошло. Но примерно через час пришлось «скорую» вызывать. Приехали пьяные в стельку. Жена загородила меня. «Не пушу к мужу, – говорит. – Давайте лекарства, я сама все сделаю, а если нет, то вашему руководству сообщу!» Врачи не стали возражать. Но через час-два боль вернулась. Грудина заныла, как хворый зуб. Пришлось опять звонить в «скорую». Меня – в хирургическое отделение. Ночь. Заспанный хирург осмотрел, сказал: «Это не мой больной» – и ушел. Меня – в приемник. Я там загибаюсь, а медики как-то странно поглядывают. Тут до меня дошло: прини-

мают за наркомана, которого ломка трясет. На мое счастье заведующая кардиологией пришла. Она мне: «Возьмитесь руками за косяк и повисите на нем». Я повис. Она: «Как себя чувствуете?» Я: «Боль вроде поутихла». Она: «Быстро носилки сюда – и ко мне в отделение». Вот уже больше двух месяцев здесь...

Больные страсть как любят излагать истории своих болезней. В этом жанре они Шекспиры.

(Бочка – это такой северный вариант временного жилья: по виду большая бочка, а внутри комнаты).

День четвертый

«Мы выходим из небытия и через несколько десятков лет возвращаемся обратно. И этот уникальный момент времени тратим на пустяки...»

Тимофеич готовился к выписке. Он сидел на кровати и перебирал красочные бумажки.

– Разыгрывать дома буду. Двадцать второго марта мне пятьдесят пять исполняется. Вот друзья лотерейные билеты и подарили. Может, выигрыш ко дню рождения выпадет.

– Сколько у тебя пенсия? – поинтересовался Николай.

– Две сто семьдесят пять.

– А что не подработаешь?

– В этом дурдоме работать? Да иди оно....

Отозвался Анатолий:

– Мужики, кто мандарины будет?

Тимофеич:

– Да они ж с голубиное яйцо.

Николай:

– Между прочим, у голубей мясо очень вкусное. Я их пробовал, когда на «земле»* строителем работал. Чую, духом аппетитным потянуло. Пошел по запаху. Оказывается, наш сварщик целое ведро этой птицы наварил.

Анатолий, доедая второй мандарин:

– А у нас в селе целая история с курами произошла. Ночью колхозный сторож проснулся от треска и кудахтанья. Быстрее в курятник с ружьем наперевес. Забегает, а там переполох: куры мечутся, пух снежной пургой летает, через дыру в соломенной крыше полная луна сияет. И вроде как человек в углу мечется. Сторож быстрее курок взвел и только палить приготовился, как из угла голос донесся: «Не стреляй. Я десантник. У нас тут учения. Я случайно на твою крышу приземлился». И вовремя же сказал он. А так сторож подстрелил бы солдата, и автомат бы не помог.

Николай:

– Ох нас в армии и гоняли! Суворовцы командирами были. Строгие. Не дай бог, найдут на плацу или в казарме окурочек. Так ночь, полночь – поднимали по тревоге всех. Четыре солдата брали за углы плащ-палатку. В центр плащ-палатки клали найденный окурочек. Остальные выстраивались сзади. И так, соблюдая порядок, бегом километров ...надцать. Потом рыли яму, стандартную – похоронную. Офицер бросал окурочек туда. Яму зарывали и отпевали покойный бычок, исполняя гимн Советского Союза...

Вечером мужики открыли свой холодильник, в палатах таковые имеются, и чего там только не было: и мяско нарезкой, и сальце... И, попивая горячий чаек, ударили холестерином по сосудам, чтобы было что капельницами вымывать.

(На Крайнем Севере нет земли, есть только песок под тонким нежным слоем скудной растительности).

День пятый

«Не отпугивай своих ангелов плохими поступками или плохими мыслями...»

Тимофеич выписался. У нас новенький – Игорь. Как многие, в кардиологию попал не в первый раз. Пришел со своим телевизором. Сразу видно – человек бывалый. Во время обхода врач ему рекомендует:

– Вам бы похудеть.

– Я и так килограммов на десять похудел.

– Надо еще.

– Так ветром по улицам носить будет.

– На меня посмотрите. В любую ветреную погоду хожу. Брошу в карман пятнадцать копеек, и не сдувает.

Врач у нас стройная и, как оказалось, с юмором.

Сегодня четверг и молебный день. На сердечном этаже ожидался батюшка, тот, что ведет службу в православной церкви, красивейшем здании города. Поднялась легкая суета. Телевизор выключили, прервав просмотр сериала. В фойе возник столик со скатеркой. Появился поп с чемоданчиком, напоминающим дипломат.

Из дипломата на столик перенесли иконку-книжку, Библия и свечка. Батюшка надел крест, золотистую церковную накидку, встал лицом к иконке и запел молитвы. Позади него встали несколько верующих. Больничное фойе преобразилось, появилось ощущение чего-то великого. Что ж, это как раз к месту. В кардиологии, куда некоторые попали, взглянув в глаза смерти, самое время подумать...

День шестой

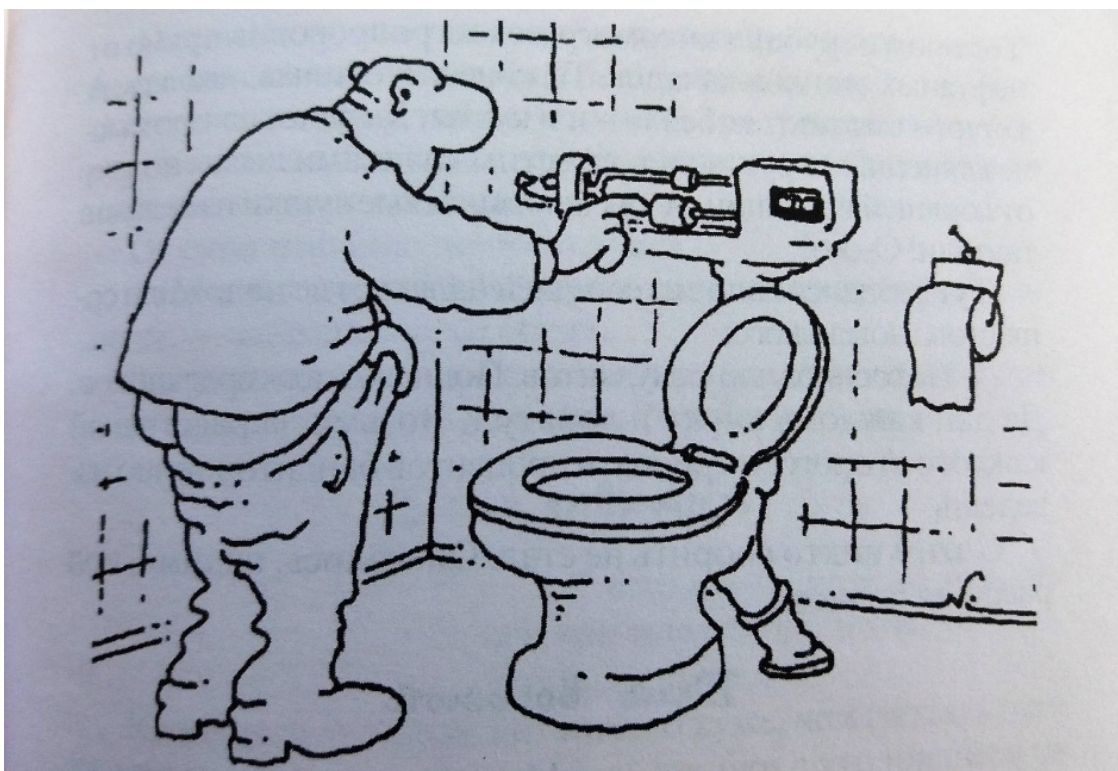
«Какой бы скучной жизнь ни казалась дома, но в больничных палатах она еще скучнее...»

Уколов больные ждут, как великого события, устремляются в процедурную прямо к ее открытию, а потом ходят по коридору неторопливо и даже важно, прижав ватку к раненному месту. Не меньший интерес вызывает и столовая.

Кормят вкусно. От добычи нефтяной компанией черного золота городу перепадает крошки с барского стола. Вся книга жалоб и предложений усеяна хорошими отзывами. Вот первый: «Палата образцового быта номер пять выражает сердечную благодарность работникам пищеблока за их феноменальную способность из ничего сделать вкусную пищу, за доброе и вежливое отношение. За их терпение и дипломатичность в отношении некоторых вредных пациентов. В нашей больнице кормят намного лучше, чем в больницах Свердловска, Тюмени и Новосибирска. Низкий вам поклон!»

Все, что здесь написано, – истинная правда. Северяне – это не денежная кубышка, а диагноз. Северяне болеют везде.

Рядом с окошком раздачи пищи висит цитата некоего Франциска Сальского: «Будь терпелив с каждым и, прежде всего, с самим собой». Возможно, она помогает пищеварению.

День седьмой

«Исповедь не очищает, а приносит лишь облегчение...»

В ожидании очереди на физиопроцедуры худощавый мужичок, похожий на церковного служку, что-то настойчиво втолковывал рядом сидящей женщине.

– Мы не можем изменить мир, – донеслось до меня. – Надо измениться самим. Это не начальник жестокий, это мы его таким видим...

Поближе познакомился с Игорем. Ему в мае исполняется пятьдесят лет, а за три месяца до юбилея в подарок от судьбы он получил первый инфаркт. Лежал двадцать три дня. Через три дня после выписки вновь на больничной койке.

Игорь с Николаем обсудили проблемы хозяйствования:

– Да-а-а, в здешних краях столько всего закопано! А сколько техники в болотах утонуло!

– Кто-то же и обогатился на продаже цветного лома! Ведь столько поворовали! Не только бросовое тащили, но и рабочее оборудование разбирали. И удара током не боялись. Топором отрубали километры электропроводов прямо от нефтяных станков-качалок. Те, конечно, останавливались. А воруяги сматывают кабель – и в кусты. Бывало, на промысле глянешь вокруг, а над окрестными лесами дымы ползут от горящей изоляции. А как алюминиевые чушки из складов тащили! О-о-о!

Тут раздался голос из соседней палаты, где положили ершистого новенького:

– Порасплодили симулянтов. Полный этаж сердечников. Да дай каждому кирку и лопату... Возьми да расстреляй каждого второго, и тридцать процентов бандитов точно изведешь.

С этим никто спорить не стал. Опасались, видимо, под расстрел попасть.

День восьмой

«Мы зачастую боремся не с причиной, а со следствиями, и то не боремся, а лишь демонстрируем...»

Дежурной по этажу палец в рот не клади. Частенько можно услышать, как она пробегает мимо палаты, что-то насвистывая. У самой был инфаркт, вылечила себя движением. Зашла к нам, покачала головой:

– Мужики, да не лежите вы, как бревна. Ходите больше. Если валяться, то мало на что можно надеяться.

Мужики выслушали, перевернулись на другой бок и уснули...

Ожидая консультации, в коридоре сидел молодой парень, водитель. К нему, кроме сердечной болезни, приклеилась еще и язва желудка. Он клял лимонад, колбасу и хлеб, которыми питался в регулярных междугородных рейсах.

– Ничего страшного, – сказал я. – У меня деду восемьдесят три года, а его язве около сорока. До сих пор водочку потягивает.

– Мне тоже говорят, что если буду придерживаться диеты, то язва зарубцуется.

Неподалеку от стационара приземлился оранжевый вертолет с синей полосой на борту, принял двух человек и улетел в сторону тайги. Николай сразу вспомнил, как вертолеты падали в свое время, экипажи разбивались, и нигде об этом не сообщалось.

От окна нещадно несло холодом.

– Мы тут ночью дуба дадим, если ветер еще чуть усилится, – забеспокоился Игорь.

Все залезли под одеяла и задумались. А ночью Игорь ушел спать в коридор на диван. Там было теплее.

День девятый

«С больными можно делать все при полном их согласии и непротивлении...»

Кажется, что в мире нет ничего хуже, чем глотать около метра «кишки», пластиковой трубки с утолщением на конце. Эта процедура сравнима с крутыми американскими горками, где живот сводит от перегрузок. Не менее тяжело лежать четыре часа подряд с этой «кишкой», свисающей из угла рта, под любопытным взглядом постороннего. Это дело кажется интимным, но напротив лежала женщина. Она тоже нервничала. И мы, поглядывая друг на друга, соревновались в наполнении желчью пробирок, чтобы поскорее избавиться от неприятного общества. Нервничала и медсестра, поддаивавшая из нас физиологическую жидкость. После процедуры ощущение, будто совершил подвиг.

Соседи по палате обсуждали снятие с поста директора Центрального банка Российской Федерации. Более всех волновался Володя, поступивший на место Анатолия:

– Недавно ушел на пенсию и получил двенадцать месячных окладов. Что делать, не знаю. Может, в доллары перевести?

И, обращаясь ко мне:

– Что там слышно относительно курса доллара?

– За последний день доллар на рубль подскочил.

– Точно, надо доллары покупать. А я еще машину хотел продавать. Подожду.

Степан, поступивший на место Николая:

– Домой звонил. Жена говорит, что торговцы на рынке суетятся.

– Да, эти ребята задрали цены, – согласился Володя.

– Нет денег – плохо. Есть – тоже плохо, – подвел итог Руслан, лежавший на месте Тимофеича.

В общем, начались волнения. Вредно кардиологическим больным жить в России и новости узнавать.

Поговорил с медсестрой. Как и ожидал, большинство посетителей кардиологии – ветераны освоения Севера, причем многие из них становятся постоянными пациентами.

Опять процедуры. Кардиограмма под нагрузкой. Вообще положено снимать ее на велотренажере, но его уже давно кто-то приватизировал. Посему меня, облепленного датчиками, от которых к приборам тянулись пучки проводов, заставили скакать на ступеньке. Вверх, вниз, вверх, вниз...

– Ух, какого космонавта запустили, – со смехом сказала вошедшая в кабинет медсестра, едва не уронив от удивления папку с документами.

День десятый

«Воспоминания с возрастом становятся настолько далеки от истины, насколько далеки от нее сказки и легенды...»

В палате опять новенький – Леонид. Он пришел на место Игоря, когда тот еще нежился в своей кровати, ожидая завершения формальностей, связанных с выпиской.

– Быстро ты... – удивленно сказал кто-то из наших, обращаясь к Игорю.

– Диагноз не подтвердился, – объяснил он.

Тем временем Леонид пристраивал большую сумку, которая сразу же привлекла внимание дежурной по этажу.

– Что это у вас там?

– Вот трусов чистых набрал да бюстгалтеров, – пошутил Леонид, намекая на свои выдающиеся груди, свисавшие над не менее выдающимся животом.

– Насчет трусов – это правильно, – похвалила дежурная по этажу, пропустив мимо ушей бюстгалтеры. – А то раскидают на кровати свои сухофрукты, не ровен час – потеряются.

Только в ноябре прошлого года Леонид лежал в стационаре с букетом болезней, среди которых был и описторхоз. Этой заразой он наградил не только себя, но всю свою семью через жирных копченых лещей, купленных в районе Тобольска. И вот опять здесь, где он свой в доску. Кстати, о досках:

– А где щит? – спросил он.

Бывалые больные сразу ищут щит: деревянный настил, который укладывают на металлическую сетку кровати, провисающую, как гамак. Только щит позволяет распрямить позвоночник.

И далее Леонид продолжил:

– Мне здесь залеживаться некогда, жена в отпуск собирается.

Насчет отпуска, как выяснилось впоследствии, он загнул. Ему, уроженцу Крыма, беспокоиться нечего: южнее Тюмени его не выпускают врачи – здоровье не позволяет. Вернуться на родину, где у него есть свой дом, может, и не доведется. Таковы для некоторых последствия северной акклиматизации. Жить здесь более трех лет вредно.

Начались разговоры. Леонид на правах старожилы первым взял слово:

– Как-то один механик из этого отделения в самоволку бегал и принес с собой бутылок десять пива, пару – водки да закуски. Напоил до потери чувств двух здоровенных близнецов, направленных в стационар на обследование из военкомата. Те, пьяненькие, завалились спать, но перепутали кровати. Поэтому неудивительно, что поутру уколы всадили не тому. Пострадавший проснулся от боли в заднице, разбудил брательника, и... началась драка. Полетели стулья, заскользили по палате кровати. Такая традиция была у близнецов. Их даже мать водой разливала. А хитрец механик лежал и наслаждался зрелищем.

Тут ожил Степан. На Севере он шестнадцать лет. Сердце болит уже годиков пять-шесть. Разговорчивым его не назовешь, но тут:

– Тут как-то один больной с капельницей в туалет бегал. В вене игла торчит, в нее через трубочку подается лекарство из бутылки, закрепленной на штативе, а он этот штатив в руку – и в туалет. Не успел человек перед процедурой облегчиться.

– Делать ему было нечего. Мог бы и «утку» попросить, – парировал Леонид и начал рассказ о своей жизни, да такой, что вся палата сгрудилась вокруг него.

Лет пятнадцать назад трудился тут один начальник строительной организации. Ох не любил он рабочих и в ответ получал тождественные чувства.

Пролетарии вечно не видели премиальных, которые делили на двоих начальник со своей любовницей – главным бухгалтером. Как-то во время его отсутствия премия была-таки поделена коллективом, за что профсоюзный лидер имел бледный вид, а его заместитель – увольнение.

В общем, начальник был порядочной свиньей. Царство ему небесное. Разбился в «Мицубиси» по дороге из соседнего города. А ведь, бывало, как хитрил, падла, подгоняя ребят на скорейшую укладку труб.

– Давайте, ребята, – говорил. – Делайте что хотите, но только быстрее.

Народ и рад стараться. А после начальник ехал на место, заставлял откапывать участок трубы и вырезал часть утеплителя, не дай бог, если оказывался один слой вместо двух нормативных: все бригады лишал приработка. Народ возмущался:

– Ты же сам просил быстрее.

Начальнику же было наплевать на эти тонкости, за что он был неоднократно гоним по тайге бульдозером.

Был и у Леонида конфликт с начальничком, когда тот ему срезал зарплату. Он пришел разбираться и услышал:

– А ты что, хотел больше меня получать? Жаждешь нюхать запах купюр, слышать их приятный шелест?

При этом начальник демонстративно потянул в себя носом и возле уха перебрал пальцами воображаемую пачку денег.

Такого изуверства Леонид не выдержал. Он бросился на обидчика с кулаками и точно бы саданул в ухо, если бы не помешал кто-то из конторских.

Начальничек успел выскочить из кабинета. Леонид за ним. Начальничек – на улицу. Леонид – тоже. Смотрит: лежит труба сантиметра три в диаметре. Он схватил ее за один конец, да так, что с другого упал сварщик, готовившийся приварить ее к магистрали. Но разгоряченный Леонид не обратил на это внимания, размахнулся посильнее и...

Начальничек резво впрыгнул в дверь столовой. Труба, чуть-чуть зацепив его куртку, выскла искры из железа ступенек и со звоном отскочила...

О чем только не услышишь на больничных койках. А с какой завистью больные поминают французскую фирму, работающую на севере России, прямо-таки сказки о ней слагают! Вот одна из них.

Одному ее работнику, которые, кстати, в большинстве своем наши, россияне, в глаз попала толика бурового раствора, т. е. смеси воды с глиной и химическими реагентами. Каза-

лось бы, мелочь: грязь в глазу. У нас обмыли бы пострадавшее око водой и айда к станку. У них – нет. Глаз-то промыли, но потом пострадавшего срочно повезли в ближайший аэропорт, оттуда самолетом в Москву и далее – во Францию. Французские врачи осмотрели больного и заверили, что попадание бурового раствора в перспективе зрению не угрожает. Лишь после этого рабочего доставили назад, на нефтепромысел. Да еще страховку выплатили. От такой заботы о здоровье как не болеть душой за свою фирму?

Говорят, что стоимость суточного питания работников иностранной фирмы превышает среднероссийскую пенсию, а недельный прокорм – северную среднюю зарплату. Мы лежали на койках и рассуждали, что на такие деньги можно съесть. Поговаривают о больших деньгах, выдаваемых на лечение зубов, которые, как известно, на Севере портятся очень быстро, о дорогих курортных путевках, которыми фирма бесплатно обеспечивает не только работника, но и одного члена его семьи. Вот такое благосостояние создается иностранцами на той же самой земле, где обычные российские нефтяники за относительные гроши копаются уже десятки лет.

Тут пришла медсестра Татьяна и поставила капельницы Семену и Володе. У первого капало раза в два медленнее, чем у второго.

– Ну добавьте хоть малость, – попросил Семен.

– Прокурор добавит, – ответил Леонид и вновь перехватил соло: – Тут в соседней палате бабай старый лежит. Вот уж вредный мужичишко, хоть ветеран войны и какой-то религиозный деятель. Он тут постоянный клиент, и чуть что не по нему, так сразу жалуется начальству. Бежит к телефону и доносит, зараза, ведь не заведующей отделением, а сразу – главному врачу или какому чиновнику в городской администрации. Попадает, естественно, медсестре. Та – в слезы. А он берет свой костыль, подходит к ее кабинету, приоткрывает дверь и проверяет, как она там. Если ей плохо, то он, довольный, идет к своей койке...

А как он врача на обходе доводил! Сколько времени она нам четверым уделяла, так столько ему одному. Врач только к двери. Он: «Подождите, вот у меня еще вопрос...» И так до бесконечности. В конце концов я не вытерпел и говорю: «Имей совесть, человека другие больные ждут. Ты что, один здесь лежишь?» Так бабай разозлился. Встал, взял свой железный костыль и в коридор, и при каждом шаге как можно громче им об пол. И это всегда так: если костыль громко стучит, то значит бабай в плохом настроении. А если в хорошем – костыль отбрасывает и птицей по коридору летает. Сам видел.

День одиннадцатый

«Совесть не сумка – все выдержит...»

За окном видно заснеженную гладь озера. Там вчера появился «кукурузник», устроивший в городе платный аттракцион для парашютистов. Собственно, любой желающий, заплатив деньги, мог подняться на самолетике в небо и спрыгнуть с парашютом. Женщины прибежали к нам в палату, чтобы посмотреть на самолет, а рядом лежащие мужики разглядывали бюсты, которые те раскладывали на подоконниках. Любопытство обеих сторон было удовлетворено.

Потом женщины прибежали смотреть на парашютистов, которые залетели на деревья и висели там, как диковинные плоды, в ожидании, когда их сорвут. А мужики, лежавшие как тюки, опять посматривали на бюсты.

Обсуждали некоего хирурга, который практиковал здесь несколько лет назад. Начал Леонид:

– Он всех заставлял раздеваться догола. У бабы прыщик на носу, а он и ее догола. Как-то и я попал. На работе мне на ногу большой груз свалился. Благо хоть сам жив остался. А нога распухла. Еле ходил. То ли мышцы порваны были, то ли что. Через недельку таких мытарств обратился я к хирургу. Тот сразу: «Раздевайтесь». Я приспустил штаны и показал ему травмированное место. Тот: «Полностью раздевайтесь». А рядом молоденькая медсестра сидела. Я разделся до трусов. Травма-то на бедре. Хирург на меня взглянул и опять: «Все снимайте». Я

и трусы скинул. Тут хирурга куда-то вызвали, и он убежал. Я, как дурак, голый стою по стойке «смирно», а напротив меня сидит девчонка... Постоял минут пять. Ну сколько можно? Нет хирурга. Я оделся. Через некоторое время он возвратился и, уставившись на меня своими наглыми глазенками, спрашивает сурово: «Что? До сих пор не разделись?»

Вспомнил хирурга и Семен:

– Он мне чуть кисть руки не отрезал. Травмировался я на работе. Он осмотрел и говорит: «Резать». Его коллега меня спас. Сказал: «Можно сшить». И сшил. Вот рука до сих пор действует.

– Да, этот хирург еще тот крендель был. Экстрасенсорику пропагандировал, от болезней движением рук пытался лечить. Уже не работает. Уехал....

Вот и больничный лист на руках. Уходить не хочется. Как же теперь без уколов, капельниц и процедур? Как же без интересных разговоров и теплого внимания врачей?..

Санитарка закрыла тетрадку и отнесла ее на пост, чтобы хозяин забрал, если вернется. Так оно и случилось. Примерно через два дня до нее донесся голос посетителя, беседовавшего с дежурной по этажу: «...На рынке встретил Анатолия. Сердечно обрадовался. Приятно было видеть радость на его лице. Поздоровались. Вспомнили Николая, Тимофеича...»

Охотничьи рассказы

«Инстинкт охотника позабыт лишь от сытости...» —

Обычно так начинал Сергей травить байки в кругу гостей. Ни день рождения, ни Новый год не обходились без его увлекательных историй, отшлифованных временем и торжествами. Наиболее любимы были три, несмотря на повторение, казавшиеся свежими, поскольку каждый раз обрастали новыми подробностями.

Медведь

Кто-то клюкву на базаре покупает, а я сам ее собираю. Причем прямо на работе, на одном из нефтяных промыслов, как говорится, не отходя от кассы. Там, неподалеку, прет болото, где эта кислая, но дюже полезная ягода в конце лета растет густо, почти впритирку. Причем хорошая клюква, крупная. Там пасутся все наши. Место тихое, спокойное, не испорченное промышленным освоением, и ведет туда старая заброшенная дорога, проложенная до давно уже не действующей геологоразведочной скважины. И вот как-то раз по ней я и направился урожай посмотреть, а ружье с собой не взял. Что, думаю, лишний раз тяжесть таскать?

Примерно через километр лесок закончился, и открылась знакомая трясина с разбросанными то тут, то там небольшими озерцами. Я сошел с дороги, уходящей в топь, и побрел по краю болота, поглядывая на лежащую ковром ягоду. Урожай обещал быть хорошим, но недели через две. И тут аж дыхание перехватило...

Метрах в пятидесяти от меня двигался бурый бугор. Над ним парило плотное облако мошки. Через шаг осознал – медведь. Знаете, друзья, видеть этого зверя на фотографии или на телеэкране – это совсем не то, что встретить его в одиночестве и без оружия. Не знаю, заметил

он меня или нет. Я в короткие мгновения столбняка, охватившего меня, разглядел его очень хорошо.

Довольно крупный и жирный медведь, преследуемый гнусом, быстро сновал туда-сюда. А потом взял да прямо на болоте перевернулся на спину и стал тереться о его неустойчивую почву, хватая лапами воздух. Все его тело ходило ходуном, словно на шарнирах. От царя леса веяло большой физической мощью...

Сразу вспомнилась другая встреча с медведем, произошедшая со мной на рыбалке. Я тогда натянул болотники и отошел подальше от берега, чтобы наживку на глубину забрасывать. Стоял, удил. А клев хороший был. Рыба словно отроду не ела. Одну за другой таскал из мутной водицы. Снимал с крючка и, почти не оглядываясь, на берег выбрасывал. Аж все позабыл от такого клева и находился почти в прострации. Вдруг слышу: звуки странные позади меня раздаются, похожие на чавканье и урчание. Оглянулся. А там медведь мою рыбку уплетает. И бежать-то некуда. Обмочился я со страху до самых стелек. Стою, не двигаюсь, будто нет меня, как родители учили поступать при встрече со злыми собаками. Медведь слопал мою рыбку и ушел в лес, не обратив на меня никакого внимания. Но в этот раз его кормить было нечем, только мной...

Я очнулся и, понемногу ускоряясь, чтобы не привлечь к себе внимание зверя, двинулся назад. Болото хватало за ноги, но я благополучно добрался до дороги, а там уж дунул. Когда показался промысел, то, наконец, решился оглянуться и штаны пощупать. В этот раз сухой вышел, а позади никого не оказалось, никакого движения, только сосны угрожающе покачивали ветвями, как взрослые иногда грозят детям пальцем: «Осторожнее будь, не ты здесь хозяин».

Заяц

Где-то по осени прихватил я ружьецо и отправился на озеро, располагавшееся тоже неподалеку от промысла. Заблудиться сложно – на многие километры в округе виден газовый факел. Сказал, что нефтепроводы пошел проверить, а у самого одна мысль в голове: как бы птицу пострелять.

Но как назло живности никакой. Только пара нырков, вытянув длинные шеи, плавала в середине озера. Они, конечно, большие утки, но пальчики не оближешь. Питаются рыбой,

водорослями и чем еще – одному Богу известно. Их стойкий неприятный запах и привкус ничем не выводится, даже уксусом. Да, собственно, нырков было и не достать. Ну не бросаться же в воду за их тушками.

Огорчился. Уже который день неудача. Но делать нечего – пошел назад.

Озеро уже почти исчезло из виду. Вот и граница редкого леса, за которой начиналась большая вырубка, сплошь покрытая кочками, замшелыми пнями и трухлявыми стволами деревьев. До промысла оставалась всего сотня метров, когда краем глаза я уловил какое-то быстрое движение. «Собака», – подумал я, но на всякий случай замер и огляделся.

Из-за дальней кочки выглядывали уши, и явно не собачьи. Обладателем таких ушек мог быть только заяц. Я очень осторожно снял ружье, стою, жду. Через какое-то время из-за укрытия показалась голова косога. Она мгновенно исчезла, как только я двинул стволом ружья в его сторону.

Я замер. Многолетний опыт охоты на зайца говорил, что тот непременно еще раз выглянет. Уж очень любопытны эти животные. Им обязательно надо знать, кто тут бродит. Так и получилось. Перехитрил я его.

Гусь

На Крайнем Севере спрятаться некуда. Растительность чахлая. Утка тебя издалека видит. Дома же, под Челябинском, есть любимое мною большое озеро, поросшее высоченным камышом высотой метра с два. На этом озере останавливаются бесчисленные стаи перелетных птиц.

И вот как-то отправился я на очередную охоту. В пять утра был на своем плесе – это такая лужайка в камышах. Присел на стульчик, закрепленный на вбитых в дно озера кольях. Через некоторое время слышу шум, словно табунок летит. Но вокруг камыш и ничего не видно. Жду, когда живность надо мною покажется или хотя бы над озером. Сбивать надо знаючи. Если упадет утка в камыши, то ее вовек не найдешь. Сколько там дичи пропадает!

Не летела живая птица к стае моих пенопластовых уток, покачивавшихся на мелких волнах. Я нервно поглаживал пальцем курок в готовности пальнуть. Утка опускается резко. Времени на раздумье: секунда-две. Бить надо, как по летающим на стрельбище тарелкам. Вот и сидел я на плесе, словно на заостренных обрубках камышей, которые здесь собственноручно выкосил.

Канонада на озере то вспыхивала, то затихала. Чувствовалось, что птица неактивная. Пара уток пролетела вдалеке... и все. Сероводородные запахи разлагающейся растительности стали куда ощутимее. Малость загрустил... Тут смотрю – гусь летит. И как низко! Я стрельнул: «Бах! Бах!» Но гусь не отреагировал. Настроение совсем иссякло. Застыл в неподвижности, обдумывая неудачу. И тут слышу увесистый шлепок о воду неподалеку. Поднимаю глаза и вижу: возле моих фальшивок присоседилась настоящая утка. Да еще какая! Не промахнулся.

Обычно дичь в обед не летает. Охотники выходят на берег и отдыхают. Я же, вдохновленный успехом, остался на плесе. И не напрасно. Вижу, ко мне низко-низко летит еще один гусь, сопровождаемый почетным салютом охотничьих ружей. С берега раздался крик: «Гусь летит, стреляй!»

Мощная птица попыталась улететь от меня, но на свою беду передумала. Я, сдерживая волнение, быстро перезарядил ружье: заменил патроны с мелкой дробью на патроны с самой крупной. Первый выстрел гусь пережил, после второго – кувыркнулся. Престижная добыча. Эх, какая потом получилась шурпа, это такой суп наподобие ухи, с той разницей, что вместо рыбы в нем томится мясо дикой птицы! Под водочку очень вкусно.

Добытчики

«Нефтедобытчики, матерые волка Крайнего Севера, на работу направляются именно в лес...»

Телевизор включился точно полседьмого. Ночную тьму разорвал набирающий силу свет, раздались бодрые голоса. Сергей проснулся, схватил пульт, нашел седьмой канал, где транслировали температуру. В правом нижнем углу экрана значилось минус девятнадцать. Невероятно тепло. Он удовлетворенно выдохнул, оторвался от теплого тела спящей жены, умылся, позавтракал, из холодильника набросал в авоську снеди, заготовленной еще с вечера, оделся и вышел на улицу.

Его ничто не выделяло среди сверстников, кроме озорного блеска в глазах, пружинистой спортивной походки и легкого на добрую шутку языка. Степенно падал легкий предновогодний снежок, он громко и весело скрипел под подошвами, прогоняя сон и неприятие работы. Сергей вспомнил о скорых праздниках, к которым он уже подготовил ящик «Мартини», о том, что в его доме вновь соберутся друзья и родственники...

От ярких слепящих фар, за которыми тащились неясные силуэты машин, теням на дороге было тесно. Вереница вахтовок и ведомственных автобусов разных марок ехала в обоих направлениях. Они притормаживали, захватывали своих людей и ехали дальше. Но народу на остановках меньше не становилось. «Здорово», «здорово», – звучало то здесь, то там...

Его автобус пришел в начале восьмого. Просторный и теплый. Там уже был народ. И чем дальше автобус кружил по городу, тем больше становилось пассажиров, тем громче звучали разговоры и смех. У городского рынка свернули на «пьяную дорогу», названную так уже давно за то неоценимое качество, что по ней непростозевшие, а то и пьяные водители могли выехать из города в обход поста ГАИ. Разговоры стихли, автобус погрузился во тьму, в свете фар замелькали сосенки, обильно росшие вдоль обочины и присыпанные хлопьями снега. Чуть дальше темнела плотная стена леса. В голову Сергея полезли воспоминания...

Женился после армии по большой и внезапно нахлынувшей любви. Ради Аллы он разорвал отношения со своей невестой, честно отождавшей его два года службы, поссорился с родителями, которым нравилась эта скромная и обаятельная деревенская девушка. После свадьбы отношения с родителями не наладились, молодожены сняли квартиру. Жизнь напоминала рай, ради содержания которого он ушел с третьего курса института и до сих пор остался с незаконченным высшим. Алла не отговаривала, она любила достаток. А он вкалывал и днем, и ночью сразу на трех работах, перехватывая «халтурки», пока не уехал на Север. Здесь все немного успокоилось, появилась своя квартира, но, глядя на знакомых, которые учились и продвигались вверх по служебной лестнице, он невольно им завидовал, проклинал опрометчивое решение прекратить учебу и в глубине души обвинял во всем свою жену...

«Все мы тут, словно отверженные, не нашедшие счастья в родных местах...» – вдруг обобщил Сергей.

На цеховой базе были минут через тридцать. Промышленный городок блистал огнями. Вдалеке на высоте, на фоне непроглядного неба, различались огромные баки и трубы насосной станции. Неподалеку в ожидании бригад выстроился ряд вахтовок, темнели домики, будочки и одноэтажное деревянное административное здание. Сергей зашел в него вместе со всеми.

В тамбуре, как напоминание о прошлых праздниках, стояло множество бутылок из-под водки и пива, но заполненных не спиртным, а нефтью, на анализы. На стене фойе примостился новогодний плакат со снеговичками. Возле окошка диспетчера приколот ряд бумажек, среди которых были и приказы, и описание случаев травматизма, и просьбы о денежной помощи.

В коридоре стоял бак с питьевой водой, на нем – кружка. Водитель их вахтовки зачерпнул водицы и крупными глотками жадно пил.

– Что, транспортников опять сушняк мучает? – спросил Сергей и прошел мимо, не дожидаясь ответа.

– Опять елки-палки и теще, и себе? – бросил он встречному, тащившему две стянутые веревкой елочки, и зашел в небольшую комнату, где в ожидании цехового начальства сидело человек шесть. На столе теснились одинаковые черные сумочки с едой. «Когда уже я себе такую куплю?» – подумал Сергей, поставил рядом свою авоську, пожал всем руки и присел на последнее свободное место. Время потекло весело, в ход шел любой повод, чтобы пошутить да посмеяться...

В комнатку занесли большой картонный ящик, похожий на заводскую упаковку от американских окорочков.

– На Новый год курочек жарить будете? – раздался вопрос по той причине, что руководители иностранных фирм, работающих на здешней земле, в отличие от наших хозяев, не забывали завозить своим рабочим на промыслы праздничные обеды.

– Да какое там жарить. Сальники здесь, – ответил вошедший и, открыв коробку, продемонстрировал множество кольцеобразных резинок наподобие кистевых эспандеров.

– А если бы я такую нес, то меня бы точно служба безопасности арестовала, – сказал армянин, сидевший на ступеньке стремянки. – Сказали бы, что террорист идет. Лицо кавказской национальности...

– А ще это президента на семь лет избирают? Не у вас ли?

– Не знаю, но слышал, что в одной из бывших республик его пожизненно избирают.

– А что? Можно и пожизненно. Лишь бы человек был хороший...

– Ходил вчера на лыжах, да под лед провалился, сломал их. Они так подо льдом и остались. Надо сегодня сходить посмотреть.

– Можешь не беспокоиться. Их, наверное, течением уже далеко унесло...

Замелькали самые разные темы.

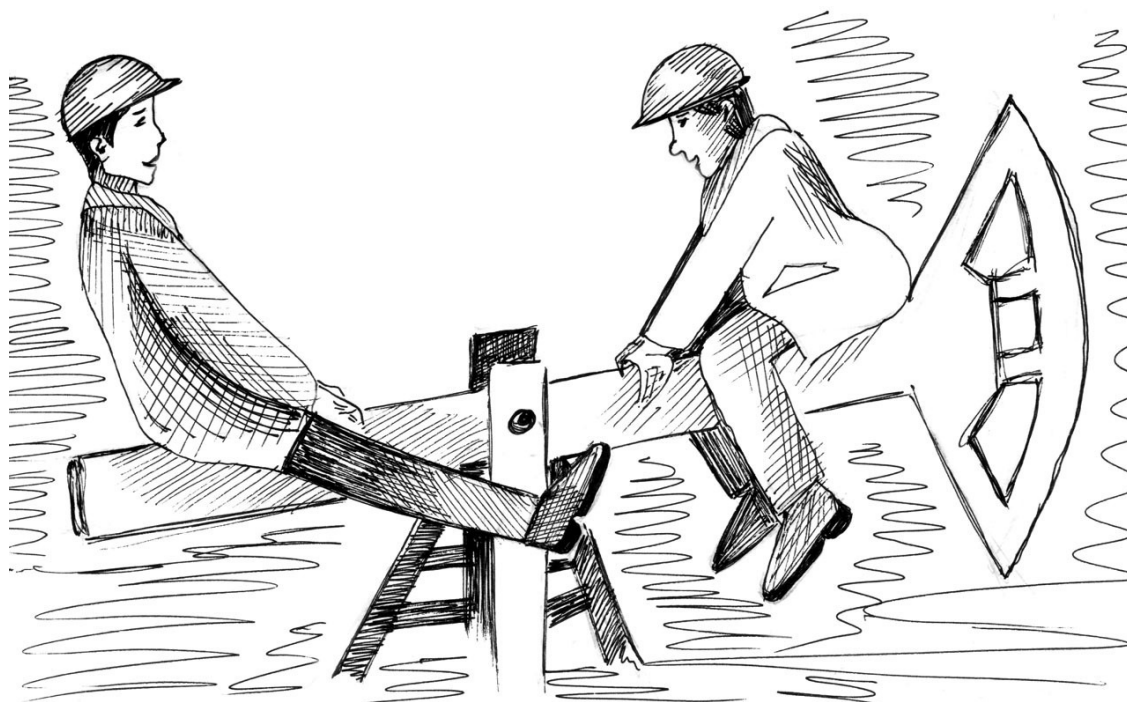
Обсуждали тринадцатую зарплату. Ругали ночников, т. е. тех, кто работает в ночную смену, за то, что причиняют беспокойство – к ним же технику приходится направлять на кусты. Хаяли и студентов-экономистов, которых, несомненно, учат для того, чтобы на местах порядки ужесточать...

Вскоре приехало начальство. Сергей вместе со своей бригадой забрался в вахтовку – мощный «Урал» с оранжевым пассажирским салоном вместо кузова.

Жар шумно нарабатывала печка, переделанная из автомобильного радиатора. Салон вахтовки поскрипывал, покачиваясь на непрерывных ухабах. Едва державшаяся на защелке дверь дребезжала. Машина жаловалась на старость...

– Сегодня еще ничего, тепло. Ох и сильно же поддувает через эти щели в хороший мороз, да с ветерком, и никому дела нет, – высказался Сергей. – А как на больничный уйдешь, так потом упреков не переслушаешь...

Дорога, сравнимая со сложнейшим лабиринтом с множеством ответвлений, поворотов, перекрестков, петляла среди пропасти мелкорослых заснеженных лесков. То здесь, то там среди величавого моря тайги встречались отдельные островки открытых, чистых, как белые скатерти, пространств, которые терялись вдали, в бледной дымке. Небо до самого горизонта скрывала плотная занавесь облаков. Начало десятого. Рассвет только-только занимался, полутьма отступала.

Вот и база участка. Станки-качалки согласно кивали балансирами, чем-то похожими на головы кур, клюющих зерно. Только происходило это, как в замедленном кино, и бесконечно, и ненасытно.

Ряд вагончиков. Один из них – жилой. С виду: пнесь – развалится. Но свой, родной. Пятнистая рыжая длинношерстная собака по кличке Балбеска виляла хвостом, пропуская бригаду к туго подпружиненной двери.

В левой комнатусечке сидел на топчане и, склонившись над столом, корпел над рабочими бумагами Игорь, их мастер. Кудрявый седоватый очкарик с помятым уставшим лицом после своего вчерашнего дня рождения. У края стола стояли стаканы, лежал подсохший хлеб да что-то в пакете. На одном из двух стульев уже примостился переодевшийся в робу Гена, самый молодой член бригады, коротко стриженный щекастый студент-заочник. На экране старого черно-белого телевизора «Радуга» мелькали какие-то силуэты. Напротив лежала кипа инструкций по технике безопасности. Висели карты, графики, и ящик стоял с надписью: «Не влезай – убьет!» На электрической батарее покоилось несколько рабочих рукавиц, блестящих от образовавшейся на них смоляной корки высушенной нефти.

Сергей прошел направо в такую же маленькую раздевалку, где помимо двух топчанов стояла сварная металлическая вешалка, тесно загруженная шмотками. А там, как говорится, в тесноте, да не в обиде, давай переодеваться...

Роба выдавалась не меньше чем на год. И никого не волновало, если ее зальет нефтью на следующий день после получения. Наша фирма не иностранная, где испачканную робу стирали и возвращали рабочим в фирменной сумочке. Россия проще. Поэтому даже смысла не было надевать новую одежду на работе, лучше родным подарить или продать. Так хоть какая-то польза. Все обмундирование быстро превращалось в хламиду, если жена не постирает: и самая обычная телогрейка, облагороженная синей тканью и эмблемой компании, ватные штаны с ляжками и двойной шириной, которую пока расстегнешь...

Вырядившись, как басмачи, матерые волки Крайнего Севера ввалились в комнатусечку мастера. Все были в поношенных грязных куртках и штанах, кто в серых валенках, кто в утепленных сапогах, и все в побитых, поцарапанных касках с эмблемой нефтяной компании, наде-

тых на старые принесенные из дома ушанки. Рядом с Сергеем стояло еще четверо: Алик, скуластый молодой парень с открытым взором; Ринат, среднего роста, круглолицый, с хитринкой в глазах; Халил, высокий, уверенный в себе человек, такой, что его уверенность передавалась другим; Алексей Николаевич, худощавый дедок, пенсионер, бывший буровик.

– Гена, бери охотничьи лыжи и марш проверять товарный трубопровод, – начал распределять задания Игорь. – Там упало давление. По этому поводу был телефонный звонок. Не дай бог порыв. Сразу зарплата к чертям полетит. А теперь к плану. Халил и Ринат, садитесь на ППУ*, и вперед, на куст, на отбивку уровней. Сергей, Алик и Алексей Николаевич – на вахтовку. Объехать скважины, снять показания, собрать пробы...

На участке Игоря порядка ста двадцати работающих скважин и примерно столько же неработающих. За каждую он в ответе головой, вот и объяснял ситуацию, вдохновляя на подвиги:

– Сегодня у нас шикарное стечение обстоятельств: две машины и пятеро работающих в день. Сами знаете, что обычно двое-трое. Надо использовать момент и сделать максимум. Вечером выйдут ночники и продолжат. Так что хвост пистолетом, впряглись и до вечера не расслабляться.

Алик, Алексей Николаевич и Сергей по скользким ступеням залезли в вахтовку и поехали.

Первый куст. Неспешно орудовали станки-качалки. Вокруг труб, возвышавшихся в пол-человеческого роста, сталактитами настыл лед. И немудрено, поскольку в них течет вода, закачиваемая в нефтяные пласты под огромным давлением.

Все трое, выпрыгнув из вахтовки на свежий снег, сразу направились к спутнику – небольшому железному домику, через который проходит вся добываемая на кусте нефть, где производится ее учет и контроль, где в начале освоения этих земель и нужду справляли, прячась от мороза.

На входной двери спутника пугал трафарет: «Проветрить 20 минут». Но если все делать, как написано, то до вечера не управишься. Таких спутников на участке более тридцати.

– Здесь вентиляторы надо ставить, – каждый раз ругался по поводу этой надписи Николаевич. – Что же, отсюда перчатками газ выгонять? Мать их всех, не дай бог, искра промелькнет – ведь заживо сгорим в этой печи...

Сергей вслед за Аликом зашел в спутник и сразу ощутил под ногами исходящие от железного пола знакомые тяжелые вибрации, такие же, пожалуй, ощущали лилипуты, разгуливая по груди великана. Выталкиваемая из-под земли смесь газа, нефти и воды под напором насосов пульсировала в ритме сердечных сокращений. Он оглядел оборудование, в приказном порядке самими же покрашенное, и, вспомнив, как махал кистью, высказался:

– Ведь на всем экономят. Нет, чтобы специальную бригаду нанять. Так нас же заставили красить. Платить не надо. Халява. Везде халяву любят...

– Нечего стоять трепаться. Идите пробы отбирайте. Я тут и один управлюсь, – сказал Алик, записывая карандашом на испещренный лист бумаги показания приборов.

Сергей и Николаевич пошли к станкам, неся в руках нехитрое оборудование. Сергей взял самую обычную старую пластиковую бутылку из-под пива с рваным отверстием в боку. Этим отверстием он насадил бутылку на открытый обрезок трубы, приваренный к магистрали, и повернул краник. Зашипело, засифонило. В бутылку понемногу потекла коричневая жижа. Сильно запахло газом.

– Интересно, кто придумал такие примитивные приспособления? – высказался Сергей, немного отстраняясь, чтобы не забрызгаться. – Ведь такая известная компания могла бы и солидно все обставить. Такие бабки зарабатывают! А все потому, что еврей сибирскую нефть качает...

– Да кому это надо, кроме нас? Наверняка люди сами доперли. Потому что деваться некуда. В пригоршню же не будешь пробы собирать. А работу выполнять надо, – заворчал Николаевич. – Это только недоразвитые негры могут работать таким образом. Все отдано на откуп баранам, а не мыслящим людям...

Сергей собранные пробы переливал в типичную стеклотару, где раньше держали алкоголь. Заполненные нефтью бутылки ставил в пластмассовый товарный ящик, рассчитанный на двадцать поллитровок...

Вот так и прошли по всем скважинам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.